

Сергей Маслов

Два рассказа

Тая и духота

Тая плохо знала, как выглядят чужие люди. Не интересовалась разговорами и сама разговаривала редко. За повседневными делами родителей наблюдала охотно, но если принимала в них участие, то быстро начинала грустить. Тая могла сама придумывать себе занятия, но и они навевали скуку, не успев увлечь. Только одно Тая никогда не надоедало.

Она обожала ловить духоту.

Изучать новую или узнавать уже знакомую.

— Ловишь... духоту? — переспросил тучный лоснящийся психиатр, с недовольством поглядывая на Таину маму.

— Духоту ловит Тая, — бесцветно отозвалась Тая. — У мамы духота есть. У папы. У грибов. У всех. У всего...

Психиатр догадался, что речь идет о запахах, и несколько оживился. Он задавал множество скучных вопросов, а Тая, ловя его жирновато-липкую духоту, отвечала нехотя и сердилась на маму — зачем она привела ее сюда?..

В том, что у Таи очень сильно развито обоняние, родители убедились год назад, когда пропал старый Сазоныч. Он умел — когда напивался, — незаметно исчезнуть, но всегда возвращался в село спустя сутки, бормоча небылицы о каком-то белом пугале, увлекающем за собой в такие дальние дали, каких трезвый Сазоныч никогда и не видал. Обычно пугало заботливо провожало его обратно до села, но в тот день, похоже, бросило на полдороги. Не вернулся горемыка. Собравшись в несколько групп, сельчане отправились на его поиски в окрестные леса. Тая увязалась за папой. Долго искали, до темноты — безуспешно. Решили возвратиться, а с рассветом организовать новую вылазку. Плелись домой злые — целый день впустую... Вдруг Тая кинулась прочь. Папа, недоумевая, побежал следом, — Тая стояла, опустив голову, в зарослях папоротника, а рядом лежал и пересматривал свои бесчисленные бредовые сны Сазоныч...

По коридору моталась скучная духота. Тая равнодушно изучала ее — ждала маму, задержавшуюся в кабинете тучного. Скоро мама вышла и повела Таю по коридору, непривычно крепко сжимая ее руку. Недовольно вздрогнула от маминого обидного хлопка обшарпанная деревянная дверь — наконец-то улица, здесь духота внятная, открытая. К автовокзалу шли пешком, и мама всю дорогу тяжело вздыхала, бормоча что-то непонятное:

— Диспансеры, препараты, о-ох... Сцепи-алисты, ишь... А чего ждала-то?.. Чего они еще могут-то?.. Ну ладно, ладно... Так проживем...

Перебрасывая из руки в руку корзинку, Тая бродила по лесу вместе с мамой и папой. Грибная духота клубилась на каждом шагу — густая, настойчивая, волнующая. Если Тая выскивала в земле бледно-оранжевую или серо-бежевую шляпку — приседала, вставала на четвереньки, наклонялась к находке вплотную и тянула носом. Насытившись духотой, аккуратно проводила под шляпкой ножиком — шляпка заваливалась набок, словно задрёмывая. Тая тихонько, чтобы не разбудить, брала гриб и перекладывала его в корзинку.

Первая половина августа получилась очень дождливой, зато вторая задаривала село и всю округу теплом, и грибную духоту в лесу Тая ловила особенно цепко. Пригнувшись и юркнув в колючий лабиринт еловых зарослей, она увидела семейку маслят. Подышала минуту рядом с ними и, не тронув, вынырнула из лабиринта на волю. Маслята были Тайными любимцами, и она никогда их не трогала. Берегла и жалела их духоту, переключавшуюся с той теплой июньской ночью...

Тая тогда решила поспать в чулане. Ее разбудили и встревожили папины шаги в сенях. Приоткрыв чуланную дверь, Тая наблюдала за происходящим в шелку. Папа прокрался на террасу и замер около стола. Лунный свет стекал по его голой спине. Следом за папой из избы выскользнула мама, остановилась у него за спиной и прижалась к ней щекой. В этот момент Тая поймала удивительную духоту — усталую и нежную одновременно, — и услышала тихие мамины слова:

— Хорошо... В глубь самую... Можем еще... Можем...

С тех пор духота маслят в Тайном сознании ассоциировалась именно с увиденной в шелку сценой, которую Тая не поняла, но которой безоговорочно поверила.

«Душные маслята, душные... — радовалась Тая, понемногу сокращая отставание от родителей. — Как папа с мамой тогда...»

Возле толстенной корявой березы Таю нахально окатила неизвестная духота.

Не грибная, не древесная, не землистая. Другая. Тая остановилась, не понимая, почему не виден ее источник — обычно он определялся быстро и безошибочно.

— Тая-а, идё-ом! — позвал папа.

Тая не двигалась с места, озадаченно озираясь.

— Тая-а! — мамин зов.

Тая принялась крутить головой во все стороны, отчаянно пытаясь определить, откуда идет духота. Взгляд ее лишь скользнул по уходящему вверх стволу березы, но рассудок успел уцепиться за какую-то странность. Тая подняла глаза, пригляделась и обомлела.

На кривом суку сидело чудное пятнистое существо, похожее на огромную кошку, и хмуро изучало Таю. Кисточки на кончиках кошковых ушей напомнили Тае, как весной они с мамой, оказавшись в городе по делам, зашли в зоопарк. Там, в одной из

грустных комнат с прутьями вместо стен, без усталости расхаживала кошка с такими же кисточками.

— Это Юна. Она мяско кушает, — объяснила тогда мама.

Тая пристально глядела вверх и напряженно сопела, жадно ловя новую духоту.

— Тая-а! — снова позвал папа.

Вспомнив папину просьбу сходить по первому же зову, Тая спохватилась и мгновенно приняла решение: скорее догонять родителей, но завтра вернуться сюда и подышать еще — уж очень интересны оттенки новой духоты.

Лесные маршруты Тая всегда запоминала легко, и сейчас она точно знала, сколько прямых линий ведут от села к этой Коряхе (так нарекла Тая корявую березу с кошкой), сколько шагов помещается в каждую линию и в каком порядке они соединяются змейками-поворотами. Завтра, вытягивая из памяти поочередно линии и змейки, Тая без труда отыщет Коряху и придет к этой новой духоте.

Вечером родители сидели на террасе, собираясь пить чай, а Тая лежала в постели и размышляла о хмурой кошке: «Она тоже Юна... Тоже мяско кушает... Тая завтра придет и угостит Юну...»

Тая недолюбливала и не носила наручные часы, но родители не боялись отпускать ее на длительные прогулки. Знали, что она привыкла к одному и тому же маршруту — от села до Мерицы и обратно. Знали, что купаться одна не решится. Полазает вдоволь по склонам крутого лесистого берега и всегда вернется домой точно в оговоренное время.

Сегодня, увидев Таю с корзинкой, мама насторожилась:

— Чего удумала-то? Смотри, только по берегу собирай. Дальше ни ногой. И к трем возвращайся, чтобы не искать тебя.

Выбравшись из села, Тая направилась не к Мерице, а в лес, впервые нарушив привычный маршрут. Шла уверенно, отсчитывая шаги на прямых линиях и следя за тем, куда ползут змейки. В корзинке у нее лежали три кусочка сырого мяса, взятые из холодильника и завернутые в газету. Тая хотела взять еще молока, но пока соображала, во что его можно перелить, услышала мамины шаги и поспешно захлопнула холодильник...

Увидев впереди Коряху, Тая сразу поняла, что Юны нет.

«Ушла Юна... — горевала Тая, прислонившись спиной к Коряхиному стволу. — К Юне Тая хочет, а Юна к Тае не хочет... Тая мяско принесла Юну угостить... А где Юна?... Ушла Юна...»

Тая ни на миг не забывала ни об одной линии, ни об одной змейке маршрута от села до Коряхи. Она точно знала, когда нужно начать обратный путь, чтобы успеть к трем часам, как просила мама. Но вот Тайны мысли отчаянно плутали кругами...

Как и вчера, духота неожиданно, с дерзким нахальством окатила Таю. Она вскочила и огляделась. Юна неподвижно стояла шагах в тридцати от Коряхи, словно вырезанная из дерева фигура. Тая наклонилась к корзинке, достала гостинец, развернула газету и положила мясо на землю перед собой. У Юны ожил и начал дергаться нос. Вслед за носом ожила вся Юна, но сделав несколько шагов к Тае, остановилась.

«Юна к мяску пришла... Ловит духоту его... — радовалась Тая. — Юна к Тае пришла... Ловит духоту... У Таи тоже духота есть?.. Какая духота у Таи?.. Папа не знает... Мама не знает... Юна знает...»

Они наблюдали друг за другом, пока не тенькнул чудесный Таин хронометр. Перевернув в голове весь порядок прямых линий и змеек, Тая направилась в сторону дома. Удаляясь от Коряхи, она поминутно оборачивалась, но Юна так и не решилась приблизиться к гостинцу. Вскоре лес совсем исчеркал силуэт Юны нервными линиями, словно выдумал ее лишь для Таинной радости, а теперь пытался вымарать неловкую выдумку из своей истории.

На следующий день Тая не смогла взять с собой гостинец — мама решила приготовить жаркое. Кладя мелко нарезанное мясо в казанок, она приговаривала:

— Странно, вроде бы я больше покупала...

А перед Таей снова стелился маршрут, снова от линии к линии переползали змейки, снова Таин хронометр работал уверенно и четко.

Листва хоровым шелестом благодарила август за подаренную ласку. А может быть, звучала уже не благодарность августу, а ода приближающейся осени — листовняной хор не хотел жить вечно, он тяготел к успокоению, к завершенности, он знал, что осень, вдохновившись талантливой майской завязкой и равнодушно пролистав летние черновики, уже сочинила свой сырой финал, который успокоит и завершит...

Отыскав Коряху, Тая не нашла возле нее ни Юниной духоты, ни вчерашнего гостинца.

Передохнув немного и оценив запас времени, Тая решила сама отыскать Юну. За полчаса она отдалилась от Коряхи на солидное расстояние, — но Юна, похоже, не оставила ни намека на свой душный след, не дала ни одной подсказки. Тая уже начинала понимать, что если Юна не хочет никого видеть, то и ее саму не увидишь, сколько ни плутай...

Есть, есть подсказка.

Тая поймала духоту настолько резкую, что поначалу даже не узнала ее. Несомненно, духота принадлежала Юне, только к знакомому набору оттенков добавился еще один — едкий, неприветливый, взрослый... Тая оглядела ствол осины рядом с собой, присела, встала на четвереньки и глубоко потянула носом.

Да, Юна писала здесь.

Тая хотела продолжить поиски, но ее хронометр сообщил, что пора возвращаться домой. Получасовые блуждания сформировали в Таинном воображении причудливый маршрут — большую его часть составляли протяженные змейки, а немногочисленные прямые линии имели в длину всего в пять-семь шагов... Минута — и перевертыш готов, первая змейка обратного пути поползла от Таинных ног.

Август спешно дарил нерастраченное тепло, не останавливался даже ночью, и Таина просьба постелить ей в чулане не показалась маме необычной. В начале двенадцатого Тая легла в постель и начала повторять весь предстоящий маршрут от села до Коряхи — побаивалась, что сообразит в темноте. Троекратное повторение заняло около часа.

На террасе погас свет, коротко ширкнула избяная дверь — значит, родители ушли готовиться ко сну. Убедившись, что маршрут выучен твердо, Тая оделась, закуталась в одеяло, как в мантию, и тихонько выбралась из чулана.

Девять шагов до двери...

Бесшумный ход задвижки...

Иссиня-черный августовский простор...

Таины мысли все бродили и бродили кругами, но она уверенно шагала в сторону леса, точно зная, что до Коряхи остались пятнадцать линий, соединенные четырнадцатью змейками, из них шесть уползут вправо и восемь — влево.

Лес, разгадав наивный Таин замысел отыскать Юну, умиленно помалкивал. Листвяной хор, уставший за день, умиротворенно спал, забывая в успокоении временном, ночном, — об успокоении настоящем, осеннем...

Добравшись до Коряхи и не найдя Юниной духоты, Тая решила пройти по своему дневному маршруту с протяженными змейками и короткими прямыми. Никто не знал, что она здесь, и никто не говорил ей, когда нужно вернуться, а значит, искать Юну можно долго-долго.

Снова вредный ельник, снова кособокий овраг, снова скучный осинник, снова та Юнина метка... Закутанная в свое одеяло-мантию, Тая все больше удалялась от Коряхи, и даже когда дневные линии и змейки закончились, она брела и брела...

Юнина духота, как и прежде, застала врасплох. К ней прибавился какой-то недобрый оттенок. Не тот, оставленный на осине, а новый — отдающий тревожной горечью. Тая вспомнила, как в начале весны неудачно упала в сених, разбив себе нос, и кровь, стекавшая в глотку, имела похожий тревожно-горький вкус.

— Юна... — позвала Тая и огляделась.

Шагах в десяти от нее светлел бесформенный холмик. Тая чуть приблизилась. Юна лежала неподвижно.

— Спит Юна... Тая к Юне пришла...

Юна не просыпалась. Тая подкралась к ней и села на корточки. Юнина голова была неестественно вывернута. Шея заволоклась непонятым пятном, а брюхо расчертили несколько грубых линий.

— Тая к Юне пришла... — повторила Тая.

Юна не откликнулась. Тая погладила ее по голове, поводила пальцами за ухом, потрогала застывший нос.

— Умерла Юна?..

Сказав это вслух, Тая снова соотнесла со своим воспоминанием недобрый оттенок Юниной духоты, шедший от пятна на шее, и поняла, что догадка верна.

— Холодно... Холодно Юне лежать...

Тая сняла с себя одеяло, укрыла Юну и еще долго сидела рядом, то приподнимая Юнины веки, то приоткрывая ее пасть и рассматривая желтоватые клыки.

Дышать Юной Тая могла бы до самого утра, но чужая наглая духота — клубок оттенков, один другого гаже — перебила Юнину. Еще одна догадка посетила Таю: эта вот гадость, непонятно откуда взявшаяся, сделала Юне больно.

Тая растерялась. Она не узнавала себя: впервые ей хотелось не познакомиться с новой духотой, а укрыться от нее.

Только не укроешься никак. Разве что...

Чуть помедлив, Тая забралась под одеяло и уткнулась в Юну носом.

Лес снова пытался отказать от Юны, теперь уже обездвижив ее насовсем, но Юна, обласканная и объята Таей, не исчезала. Выращенный августом ночной воздух, сжижаясь, неслышно лился на лес с высоты, затапливал его, — но и на дне потопа Юна продолжала существовать, а вместе с ней и Тая, тоже чья-то неловкая выдумка.

Константа

Нытенька двигался знакомым маршрутом. Он рассчитывал взойти на крылечко здания женской консультации без десяти семь, но шаги не слушались, не держали желаемый темп, и расчет пришлось уточнить: на две минуточки позже получится...

До любой точки города Нытенька предпочитал добираться на своих хлипковатых двоих. В самом деле, сколько же можно быть цыпленком табака в этих душных железно-стеклянных четырехколесных коробках? Гораздо интереснее, повинаясь тайному влечению, вплывать в тихие мирки улочек, переулочков и дворов, соединенные хитрыми порталами — определяемыми лишь интуитивно, непонятно кем выдуманными. Происхождение самих мирков тоже оставалось для Нытеньки загадкой. Каждый мирок в его представлении имел свою протяженность, и именно этой величиной более всего интересовался Нытенька, с завидной дотошностью проводя свои расчеты. Он ввел собственную единицу измерения — одна нытка равнялась одной минуте ходьбы при соблюдении равномерного темпа: четыре шага на вдох и четыре — на выдох.

Своим шагам Нытенька уделял самое пристальное внимание. Чем дольше он изучал их, тем глубже погружался в многообразие эмоциональных оттенков, которые можно передать различными сочетаниями шагового ритма и шаговой геометрии. Занимаясь научной работой в каком-нибудь новом мирке, отсчитывая темп «четыре-четыре», Нытенька в очередной раз спрашивал себя: почему никто из его знакомых, никто из случайных прохожих не утруждает себя изучением азов замечательной шаговой речи? Почему ни в чьих шагах не угадывается строгость линий, не улавливается хотя бы жалкое подобие ритмического постоянства?..

Когда заканчивался рабочий день, Нытенька, избегая коллег, стайками двигавшихся к троллейбусной остановке, отправлялся домой витиеватыми пешими маршрутами. На их преодоление порой тратились часы. Зато за полгода труда в Нытенькиной голове сформировалась объемная база данных, хранящая сведения о протяженности всех изученных мирков и о порталных переходах между ними. День за днем расширяя область изученного, Нытенька не переставал удивляться: сколько же мирков умещается в его небольшом городе — и сколько же лет он не придавал этому никакого значения...

Начало необычному Нытенькиному увлечению положил один-единственный обеденный перерыв. Он ничем не отличался от сотен прошлых — по своему обыкновению Нытенька привставал на цыпочки, вытягивал шею и покачивался из стороны в сторону, пытаясь разглядеть за головами сослуживцев, что происходит на линии раздачи, почему очередь двигается так медленно... В какой-то момент по чистому и ровному полотну Нытенькиной яви засеменял невесть откуда взявшийся паучок — причудливое видение родилось из ничего, из бесплодной обыденности...

Очередь кишела Нытеньками.

Они привставали на цыпочки, вытягивали шеи и покачивались. Боязливо оглянувшись, подлинный Нытенька обомлел: в хвосте очереди привставали на цыпочки, вытягивали шеи и покачивались его точные копии... Только бы не поддаваться на провокацию заигравшегося рассудка, только бы не забыть, что во всей столовой лишь один Нытенька не поддельный, а все остальные... Да это же не люди — это грядущие дни, желающие поскорее быть прожитыми... Хорошо, хорошо, можно для простоты принять их за людей. Вот очередной Нытенька — тот, около кассы, — аккуратно взял в руки свой поднос и начал глазами искать свободное место. В зале несколько десятков

Нытенек сидят за одинаковыми столами и одинаково пережевывают одинаковую пищу. Насытившиеся Нытенки поднимаются со своих мест и тяжело бредут к выходу. Шагают как-то расхлябанно, неумело, а иначе и не получается — настолько силен дух унылой сытости, отравляющий и без того дурной мирок столовой.

Видение растворялось постепенно, нисколько не пугая Нытенку, но волнуня своей откровенностью. Тогда он впервые искренне устыдился однообразия своих дней — прожитых и грядущих. Но вместе с тем появилась и надежда на спасение от этого однообразия — родилось смутное желание искать иные мирки, шагать по ним, придумывая самые разные ритмические и геометрические конструкции. Вот только где искать?

Да в своем же городе...

Неделю спустя Нытенка сделал ошеломляющее открытие: город полон отцовских чувств. Он долгие годы растит давным-давно рожденные мирки — и он прекрасен в своем отцовстве, только никто этого не замечает. А его повзрослевшие дети научены ценить хорошие шаги, ставшие почему-то большой редкостью... Нытенкино открытие послужило началом серьезной научной работы, длившейся уже полгода.

За это время многие улочки, переулки и дворы успели тепло поприветствовать Нытенкины шаги, но в последний месяц они снова затосковали. Нытенка стал появляться заметно реже — его тревожил домашний мирок, менявшийся стремительно и непредсказуемо. Там, в хрущевской двушке, с назойливостью сорной травы плодился абсурд. Заросли его источали дурманящий аромат, от которого ловила кайф Нытенкина теща — душенька Туша Николавна. В ее поведении появилась агрессивная веселость, жутковато сочетавшаяся с грубой импровизацией. Туша и раньше с удовольствием озорничала, но теперь достигла в своих шалостях эдакой виртуозности. Позапрошлой ночью она затаилась в туалете и дождалась, когда Нытенка, сонный и рассеянный, поплетется на кухню, чтобы попить воды. Ловко выскользнув из укрытия, Туша принялась больно тыкать Нытенку кулаком в живот и грудь, приплясывая и хрипло изрекая какие-то скабрзности. Потом кулак разжался, и получившаяся клешня как-то незаметно оказалась у Нытенки между ног, а он не мог пошевелиться от ужаса. Только неимоверным усилием воли ему удалось выйти из оцепенения, оттолкнуть Тушу и спешно удалиться в комнату, где по-прежнему мирно сопела Ася. Увидев, что она не проснулась, Нытенка облегченно вздохнул.

Кстати, своим дурацким прозвищем Нытенка был обязан именно Туше Николавне. Однажды, разговаривая с матерью по телефону, Нытенка случайно включил громкую связь, и Туша услышала, как та называет его Митенькой. Соблазн исковеркать ласковое обращение оказался непреодолимым. Поначалу Нытенка обижался, но быстро привык, а после, освоив нытку, даже зауважал тещино остроумие. Тушей он нарек ее не в благодарность за обретенное прозвище, а гораздо раньше, еще с первых дней знакомства. Тогда же Туша получила и титул душеньки. Разумеется, ни прозвище, ни титул никогда дома не произносились, а настоящее тещино имя Нытенка подзабыл — все его обращения в разговорах с ней давно приняли безличную форму.

Лихой юношеский драйв, так ярко проявившийся в Тушином поведении, неожиданно передался Асе, хотя раньше она чуралась любого озорства, стыдилась любого намека на импровизацию. Перенимая повадки матери, Ася, по мнению Нытенки, теряла нечто исключительно ценное — тихую текучую женственность, выражавшуюся в глуховатом низком голосе, в манере сидеть за столом, в неуклюжих

жестах и спутанной мимике, в неосознанных ночных подёргиваниях... Сама Ася, в свою очередь, заявляла, что перестала видеть в Нытенке то крючковатое репейное обаяние, не дававшее шанса спрятаться, спастись... Короче говоря, Нытенка и Ася одновременно поняли: пропала неосозаемая щекощущая сцепка, так здорово волновавшая их обоих эти два года. Несколько дней назад Ася, наглово посмеиваясь, предложила наведаться к психотерапевту — Нытенка хотел сходу отринуть глупую идею, но, сообразив, что сам не предложит ничего лучше, согласился.

Назначенные время и место встречи несколько озадачили Нытенку: десять минут восьмого, Вторая женская консультация. С другой стороны, появился повод вспомнить хороший маршрут, которым давно не доводилось бродить. Нытенка прибыл к его конечной точке — крылечку опрятного двухэтажного домика — без восьми минут семь, в строгом соответствии с уточненным расчетом. К домику примыкал небольшой садик, безнадежно заросший тёрном. Нытенка решил подождать Асю здесь, хоть они и договорились встретиться внутри, возле кабинета.

Пройдя в садик и сев на шаткую скамейку, смастеренную, наверное, каким-нибудь местным вахтером еще в советское время, Нытенка погрузился в раздумья о предстоящей беседе.

Что говорить-то? Тушу Николавну, душеньку, ругать? Нет, при Асе нельзя. Можно пообщаться с мозгоправом и без нее, но ведь и вспоминать о том кухонно-туалетном ужасе стыдно, а пересказать его попросту невозможно. Да... А вот любопытно, каким путем лучше пойти отсюда домой? Можно сперва по Глинскому — это где-то нытки три с половинкой. Там через левый портал на Титова можно свернуть — по ней еще ныток пять, ну, шесть почти...

Зароились, заклубились милые расчеты, но неожиданно свернулись, прерванные чьими-то замечательными шагами.

Они направлялись к крылечку и поражали стройностью геометрии и внятным ритмом. Вот левая ступня касается земли — первая отсечка Нытенкиного хронометра... Вот уже правая ступня легко легла на асфальт в метре от левой — вторая отсечка... «Дельта тэ» между первой и второй — секундочка и одна-две десятых... Снова левая ступня — третья отсечка... Новая «дельта тэ» между второй и третьей в точности равняется предыдущей, а значит, «дельта тэ» — константа.

Что же, кроме шагов? Широкие спокойные плечи — не вздернутые понапрасну туповатым мужским вызовом, который Нытенка часто читал в походке атлетично сложенных людей. На плечах — голова под шапкой черных волос. А каково же лицо? Ни одной внятной черты — вероятно, незнакомцу удалось каким-то образом стереть прежние брови, глаза, нос и рот, а на проработку новых не хватило навыка и пришлось остановиться на блеклом эскизе.

Ну и пускай эскиз. Главное — шаги.

Шаги творили эскизного человека.

Но откуда берутся они сами? Есть, есть же наверняка бесплотный, безъязыкий мирок, не имеющий ни протяженности, ни порталов. Там теперь обитает кто-то, кого эскизный человек безвозвратно потерял. По кому истосковался. За кем хочет отправиться... Так вот, кто-то шлет ему из того мирка ритм и геометрию, геометрию и ритм, а здесь два этих сигнала складываются в одну земную сущность и получают шаги...

Эскизный человек взошел по ступенькам и скрылся в темном вестибюльчике. Нытенка еще немного посидел на скамейке, потом поднялся и зашагал к крылечку. Очутившись в зале регистрации, он взглянул на часы и оторопел: до начала приема

оставалось всего две минуты, а хронометрическое чутье, похоже, бессовестно уснуло, что случалось с ним крайне редко. Ася, по всей видимости, опаздывала — придется начинать одному.

Поднимаясь на второй этаж, Нытенька совершил еще пару попыток сосредоточиться, настроиться на беседу, но вместо этого все отчетливее убеждался в равнодушии к своему домашнему мирку, тоже отравленному, как и мирок столовой, — только не духом унылой сытости, а беспробудной пошлостью.

Дома нечему случиться, нечему произойти.

Не истребить сорную траву абсурда, этого не позволит Тушенька-душенька.

Не потечет женственность тихим ручьем по дну Асиного оврага, не заставит смотреть на себя бесконечно.

Как душно в тебе, мирок, и тесно.

Как скучно, мирок...

Потоптавшись у двери кабинета, Нытенька без стука открыл ее и застыл на пороге.

Поднявшись из-за стола, ему навстречу шагнул эскизный человек. Линию рта он успел доработать до улыбки.

Ну и пускай улыбка. Главное — шаги.

Увлекая за собой Нытеньку, он почему-то направился из кабинета обратно в коридор... По коридору — к лестнице... По лестнице — на первый этаж... Через зал регистратуры — в вестибюльчик... Оттуда — на крылечко... С крылечка — в садик. Здесь шаги сменили ритм и описали небольшой эллипс. Нытенька сел на знакомую шаткую скамейку, с улыбкой наблюдая за построением нового эллипса, полуоси которого, похоже, совпадут по длине и расположению с полуосями первого...

Зазвучал голос эскизного человека — не басовитый и не высокий, не хриплый и не звонкий, без единой характерной нотки. Он хаотично набрасывал фразы одну за одной — то ли сам пока не знал, что из них получится, то ли хитрил и отвлекал Нытеньку от главного...

«Мы с Асей вместе...»

«К матери давай или еще куда... На этой неделе чтобы...»

«Ася ждет... Второй месяц уже...»

Куда это собрался голос с Асей вместе? С какой стати Нытенька должен навестить мать на этой неделе? Чего ждет Ася уже второй месяц?..

Непонятно.

Стерт смысл. Стерт голос. Стерто лицо.

Оставлено главное.

Шаги.

Они неустанно творили эскизного человека, и Нытенька, смущенно улыбаясь, радовался каждому новому эллипсу, снова и снова ставил отсечки, вычислял «дельту тэ» и горячо благодарил ее: как же хорошо, что константа — ты.

Константа.

Константа.